

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ В БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 02031301
Медведевой Алены Игоревны

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Кошарная С.А.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ДИАЛЕКТ КАК ОБЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	
1.1. Диалектология и ее связь с другими дисциплинами.....	9
1.2. Диалект в зеркале лингвокультурологии.....	14
Выводы по главе I.....	19
ГЛАВА II. НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРАХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ	
2.1. Белгородские говоры в контексте истории и культуры народа.....	21
2.2. Названия мужской одежды и мужских головных уборов в белгородских говорах.....	23
2.3. Названия женской одежды и женских головных уборов в белгородских говорах.....	26
2.4. Наименования одежды без дифференциации на мужскую и женскую.....	31
Выводы по главе II.....	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	38
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	40
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	46

ВВЕДЕНИЕ

Язык – социальное явление, и как всякое социальное явление он связан с историей народа. Это в полной мере относится и к диалектам.

Диалекты способствовали появлению русского литературного языка, возникшего на основе среднерусских акающих говоров.

В отличие от литературного языка диалекты имеют только устную форму, и они обслуживают узкую сферу социального общения, в частности, речь сельских жителей, представляющих собой носителей разных этнических культур.

Знание говоров русского языка, по нашему мнению, необходимо учителю-словеснику, т.к. учитель должен уметь сопоставить систему говоров с системой литературного языка, выстроить типологию диалектных ошибок и наметить пути их устранения. В то же время необходимо представить диалектный материал как часть общезыковой палитры, как значимый фонд общенародного словаря, как кладовую истории языка. Знание семантики диалектизмов пригодится также и на уроках литературы. В произведениях классической и современной литературы используются элементы диалектной речи для характеристики персонажей или для передачи местного колорита.

Поэтому совершенно справедливо утверждение Н.Г. Шубиной, полагающей, что «изучение лексики народных говоров, имеющее свои весьма давние традиции, по-прежнему относится к числу актуальных задач русского языкознания. Одной из важных лингвистических проблем является изучение системной организации лексики» [Шубина 2004: 7].

Не утрачивает актуальности положение Д.Н. Шмелева, согласно которому лексическая система и общенародного, и диалектного языка специфична, она обладает особенностями, которые усложняют изучение системных отношений. К таким особенностям можно отнести следующие:

- 1) огромное, практически необозримое число элементов;
- 2) проницаемость, возможность индивидуальных и окказиональных образований;

3) обращенность к внеязыковой действительности. В лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, поэтому установление системных связей и отношений в лексике значительно сложнее, чем в грамматике или фонологии [Шмелев 1964: 27].

Вопрос о системном характере лексики в настоящее время уже не ставится под сомнение. Системный подход к лексике основывается на групповом ее изучении, которое позволяет практически неограниченное число слов свести к определенному числу групп (тематических, лексико-семантических и др.), при этом рассматриваются как отношения внутри отдельных групп слов, так и отношения между самими группами.

Системный подход в изучении групп диалектной лексики русского языка широко представлен работами Р.И. Аванесова, Т.В. Бахваловой, О.И. Блиновой, И.А. Оссовецкого, В.В. Колесова и многих других исследователей. Анализ связей, определяющих собственное значение каждой из лексических единиц, позволяет раскрыть лексико-семантическое своеобразие говоров.

В последние годы исследователи-диалектологи особенно активно проявляют интерес к лексике, связанной с материальной и духовной культурой человека, рассматривая диалектную единицу не только как лексическую, но и как этнографическую и культурологическую.

В целом изучение речи сельского населения продуктивно в контексте фиксации лингвистической и историко-культурной информации, что может найти применение в разных областях научной и краеведческой деятельности.

Например, в лексике, представляющей сферу сельского хозяйства, выделяются следующие диалектизмы, характеризующие орудия труда: *литóвка* – *суц., -и, жен.р., нейтр.* ‘большая коса с длинной ручкой’: /*Л'итóвка* / *восьмиручка* // (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район); *молот'илка* – *суц., -и, жен.р., нейтр.* ‘приспособление для молотбы’: /*На малат'илку патóm*// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район); *струг* – *суц., -а, муж.р.* ‘рубанок, инструмент для строгания’: /*Стругам дóск'и острууáл*// (с. Троженец, Новооскольский район, 1999 г.) и т.д. Представленные диалектизмы отражают прямую связь с эпохой XIX века, подтверждением чего может служить словарь

В.И. Даля, в котором имеются словарные статьи, вобравшие информацию о той же *литóвке*: «ЛИТОВКА ж. сев. русская, большая коса, для отличия от горбуши, малой косы с коротким, кривым косьем; или *стру́ге*: СТРУГ, наструг, общее названье столярного снаряда для строганья» [Даль 2012: 332].

Таким образом, диалектные слова предстают как яркие *лингвокультуремы* – комплексные межуровневые единицы, представляющие собой диалектическое единство лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет). Лингвокультурема, по мнению автора этого термина В.В. Воробьева, аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду [См.: Воробьев 2008: 45].

По мнению Л.А. Власовой, «диалектные слова несут в себе отражение картины ценностного восприятия мира носителями языка. Бесценный кладёзь драгоценных слов, каждое из которых – отпечаток русского духа, постепенно иссякает, и задача современных исследователей народных говоров – успеть обнаружить и бережно сохранить эти богатства для будущих поколений» [Власова 2002: 3]. В частности, говоры Белгородчины отражают территориальное взаимодействие между различными этническими группами и демонстрируют архаичные черты на различных языковых уровнях.

На сегодняшний день большое количество архаичных наименований одежды сохранилось только в речи носителей диалектов старшего поколения. Значимость данной лексики заключается в том, что она предоставляет возможность погружения в историю русского языка и культуры. А потому данная лексика рассматривается нами не только с точки зрения семантики и этимологии, но и в контексте историко-культурного описания Белгородчины.

Актуальность исследования обуславливается тем, что говоры Белгородчины представляют собой значимый в контексте становления русского общенародного языка диалектный лексический фонд, проявляющий также фонетическую и грамматическую специфику. При этом говоры Белогорья являются малоизученным объектом отечественной диалектологии.

По мнению С.А. Кошарной, «диалектный словарь Белгородчины на сегодняшний день остается малоисследованным. Всё это обуславливает необходимость системного анализа регионального языкового материала с выявлением общих тенденций в функционировании говоров Белогорья, дифференциацией диалектизмов и регионимов, диалектизмов и непосредственных заимствований из украинского, бытующих на территории области» [Кошарная 2016: 110].

Белгородские говоры способны транслировать исторический материал, отражающий развитие нашей области. Известно, что Белгородская область включает в себя 21 район (*Алексеевский, Борисовский, Валуйский, Вейделевский, Волоконовский, Грайворонский, Губкинский, Ивнянский, Корочанский* и др.), на территории которых распространены белгородские диалектизмы.

При этом тематическая группа «Наименования предметов одежды» чрезвычайно интересна тем, что данная лексика представляет ценный материал для изучения народных говоров в лингвокультурологическом, этимологическом и историческом аспекте. Белгородские диалекты относятся к территориально-пограничной группе говоров, в силу чего они вбирают в себя особенности языкового пограничья.

В нашей работе в качестве **объекта** рассматриваются номинанты, обозначающие предметы одежды и функционирующие в белгородских говорах.

Предметом изучения являются лингвокультурологические особенности рассматриваемых наименований, позволяющие характеризовать их как факты языка и культуры народа.

Цель исследования – представить наименования одежды и головных уборов в белгородских говорах как факты языка и культуры, выявив диалектную и региональную специфику этих тематических подгрупп лексики.

Цель, объект и предмет исследования обусловили постановку следующих **задач**:

1. изучить научную литературу по теме исследования;
2. теоретически обобщить изученный материал и выработать методологию исследования;

3. методом сплошной выборки из «Опыта областного словаря Белгородчины» собрать фактический материал исследования;
4. классифицировать белгородские диалектизмы, обозначающие предметы мужской и женской одежды, сформировав тематические подгруппы внутри данного корпуса слова;
5. выявить региональную специфику анализируемых слов;
6. вычленив в тематических подгруппах наименований одежды лексику украинского происхождения;
7. произвести статистический анализ и сделать выводы относительно генетической принадлежности диалектных лексем, составивших анализируемые тематические подгруппы;
8. сопоставить диалектизмы исследуемой тематической группы со словами других диалектных систем и литературного языка (по данным словарей);
9. сделать выводы лингвокультурологического характера относительно наименований одежды и головных уборов в белгородских говорах.

Методологической базой исследования послужили труды В.В. Колесова, Л.Л. Касаткина, О.И. Блиновой, А.В. Абрамовича, Г.С. Масловой, С.А. Кошарной, Л.А. Власовой, Н.Г. Шубиной, П.Д. Пономарева, Т.В. Кирсанова и др. диалектологов, в работах которых лексика русских говоров рассматривается как в синхронии, так и в диахронии.

В ходе работы нашли применение следующие **методы**: описательный метод, представленный приемами интерпретации и обобщения, методы анализа и синтеза, а также собственно лингвистические методы, в частности – лингвокультурологический комментарий.

Источником для написания работы послужили материалы диалектной картотеки кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ БелГУ), а также «Опыт областного словаря Белгородчины» (Белгород, 2017).

Фактический материал работы составил 68 лексических единиц.

Апробация работы состоялась в виде выступлений на конференциях различного уровня, в том числе – в рамках работы VII-ой Школы молодых лексикографов и лингвогеографов «Словари и лингвистические карты как фактор развития междисциплинарных связей в языкознании» (ноябрь, 2016 г., г. Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН), доклад на которой был отмечен дипломом I степени. По теме исследования автором опубликовано 5 статей (РИНЦ), а также издан коллективный словарь: Кошарная С.А., Алейник А.С., Медведева А.И. «Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь: 3 700 слов» / С.А. Кошарная, А.С. Алейник, А.И. Медведева // Под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 335 с. (19,3 п.л.). *Издание осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Белгородской области в рамках выполнения проекта №16-14-31002/17-ОГОН «Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины к. XX – нач. XXI вв.».*

Автор настоящего исследования как исполнитель принял участие в двухгодичном гранте РФФИ и Правительства Белгородской области «Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины к. XX – нач. XXI вв.» (проект №16-14-31002/17-ОГОН. Региональный конкурс «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее – 2016/2017», Белгородская область).

Структура работы состоит из введения, двух глав, в которых раскрывается основное содержание исследования, заключения и библиографического списка литературы.

ГЛАВА I. ДИАЛЕКТ КАК ОБЕКТ ЛИНВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

1.1. Диалектология и ее связь с другими дисциплинами

Известно, что доминантной единицей территориальных диалектов является говор. В связи с данным положением А.С. Малахов в своей работе отмечает, что «Говор – это язык одного или нескольких соседних населенных пунктов, однородных в языковом отношении. В своей совокупности говоры образуют диалектный язык. Но диалектный язык это не просто совокупность говоров, а сложное целое, по отношению к которому каждый говор может рассматриваться как его частная разновидность» [Малахов 2013: 5].

По мнению О.И. Блиновой, словарный состав диалекта, как и другой разновидности языка (литературного языка, городского просторечия), представляет собой исключительно сложное явление и может быть рассмотрен в различных аспектах [Блинова 1984: 81].

При этом можно выделить два аспекта изучения диалектного языка:

1. Изучение структуры диалектного языка, т. е. установление соотношений между системами разных говоров, образующих в совокупности диалектный язык. Также, важно иметь в виду, что изучение сходства и различий между говорами дает возможность выделить территориальные объединения говоров различного ранга. Наиболее крупные объединения говоров является наречие.

2. Изучение территориального распределения варьирующихся элементов диалектного языка и основанная на таком изучении группировка говоров.

Известно, что в русском языке выделяются два наречия: Северное и Южное, между которыми лежит полоса среднерусских говоров, сочетающих в себе черты обоих наречий. Каждое из наречий, а также среднерусские говоры включают в себя более мелкие объединения – группы говоров. При этом наименее изученными оказываются говоры «пограничья» – южного и северного. К таким пограничным южнорусским говорам относятся

белгородские говоры, наименее изученные диалектологами. При этом значимость их научного описания в свете решения общих и частных проблем диалектологии несомненна.

Т.П. Кувфтин верно отмечает, что «изучение народных говоров является одной из важных задач современного языкознания. В настоящее время большое внимание ученых-языковедов привлекают проблемы системных отношений в русских говорах, исследуется влияние литературного языка на диалектную лексику, взаимодействие различных групп говоров» [Кувфтин 1994: 3].

Так, важно отметить, что, диалектология связана с целым кругом лингвистических (и шире – филологических), а также исторических наук. В частности, современные говоры наряду с памятниками письменности служат важнейшим источником истории языка. Исследуя такие памятники, можно предположить, что исторические изменения русского языка протекали неравномерно на разных частях территории, занимаемой русским народом, а иногда принимали различное направление. Подтверждению данному факту служит, например, особая фонема /Ѣ/, утраченная литературным языком, она до сих пор сохраняется в некоторых говорах. А там, где эта фонема утратилась, в одних говорах она совпала с /е/ (*л'ес, с'ено*), а в других с /и/ (*л'ис, с'ино* и т.п.).

Приведем еще один пример. Окончание *-а* в им. п. мн. ч., первоначально свойственное только существительным ср. р., захватило и другие склонения имен существительных: муж.р. (*леса, города, дома* и др.), а в некоторых говорах и жен. р. (например, *деревня, матеря*). По интенсивности процесса распространения этого окончания одни говоры уступают литературному языку, а другие опережают его.

Следует также отметить, что не все черты живого разговорного языка прошлых эпох зафиксированы в памятниках письменности. Этому препятствовали и письменная традиция, которая связывала писца, и характер жанров письменности, ограничивающий (в силу их содержания или стиля) отражение в памятниках богатства разговорного языка народа. В связи с данным положением, Э.В. Васильева пишет, что «сохранившиеся памятники письменности неравномерно отражают русский язык различных эпох на разной

территории его бытования» [Васильева 1979: 4]. Но и в случаях, когда те или иные явления живого языка отражены в памятниках письменности, их интерпретация часто требует обращения к фактам современных говоров. Таким образом, без учета диалектных данных невозможно построение исторической грамматики, т.е. того раздела истории языка, который изучает изменение системы народно-разговорного языка и отдельных элементов этой системы.

Но и сами диалекты также меняются во времени, протекает взаимодействие говоров. Такие изменения изучает конкретная дисциплина истории языка – историческая диалектология. В отличие от исторической диалектологии науку о современных территориальных разновидностях языка называют описательной диалектологией.

Необходимо понимать то, что историческая грамматика и историческая диалектология изучают один и тот же объект исследования – историю разговорного народного языка, но изучают его в различных аспектах:

1. Историческая грамматика занимается общим направлением в изменении системы данного языка;
2. Историческая диалектология занимается историей языкового диалектного варьирования.

И для обеих дисциплин истории языка данные описательной диалектологии имеют важнейшее значение.

Особенно это относится к исторической диалектологии, ретроспективно воссоздающей историю диалектов на основе сопоставления современных диалектных явлений и их территориального распространения.

Но без диалектологии не может обойтись и история литературного языка. О.С. Ахманова пишет, что «литературный язык, возникший на основе определенного диалекта, в дальнейшем продолжал испытывать в той или иной мере диалектное влияние» [Ахманова 1957: 205]. Однако для истории литературного языка роль диалектов является второстепенной в сравнение с памятниками письменности.

По мнению Т.С. Коготковой, «история языка была первой областью лингвистики, где нашла свое применение диалектология. Одно время на

диалектологию так и смотрели как на вспомогательную дисциплину истории языка. В настоящее время все больше укрепляется в науке понимание того, что данные диалектологии должны использоваться и в тех областях лингвистики, которые обращены не к прошлому, а к настоящему и будущему» [Коготкова 1979: 167].

Так, представление о типологии современных языков остается неполным, если типологические исследования ограничивать материалом литературных языков, игнорируя диалектные данные. Изучение современных процессов в говорах может дать ценный материал также для лингвистического прогнозирования и практической работы в области культуры речи. Однако до сих пор диалектологические знания, к сожалению, еще недостаточно используются для всех этих целей.

Диалектные различия – свидетельства известной изоляции говорящих на этих диалектах. Если такой изоляции не существует сейчас, значит, она была в прошлом. Так, границы современных диалектных явлений отражают (с поправкой на позднейшие изменения) границы таких исторических общностей, как феодальные княжества с их сферами влияния или (значительно реже) племенные границы.

Н.А. Лукьянова считает, что «черты иноязычного происхождения в русских говорах свидетельствуют о длительных контактах русского и иноязычного населения на той или иной территории» [Лукьянова 1979: 141]. Так, сравнение говоров Сибири, Донской земли и других мест, заселенных русскими сравнительно поздно, с говорами территории, где первоначально сложились русские диалекты, позволяет проследить, откуда шло заселение областей позднейшей колонизации. Таким образом, диалектные данные помогают историку воссоздать исторические пути русского народа. Если данные описательной диалектологии служат одним из источников для истории народа, то историческая диалектология не только дает материал для историков, но и сама не может обойтись без обращения к истории народа. Свидетельства летописей и других документов, археологические данные об этническом составе населения определенной территории, о политических, экономических и

культурных связях этого населения помогают историку диалектов установить время и место (а иногда и причины) возникновения многих диалектных явлений.

Например, есть говоры, в которых употребляется только одна аффриката (*овца, отец, цай, цистый* и т.п.). Это явление называется *цоканьем*. Известно, что цоканье свойственно преимущественно севернорусским говорам. Но оно присутствует и в некоторых рязанских (в так называемых *мещерских*) говорах. Исторические данные подсказывают другой ответ. На территории этих рязанских говоров жило финское племя *мещера*, в языке которого не было двух аффрикат. Цоканье в говорах Рязанской области – это местное явление, возникшее под иноязычным влиянием.

Следует особо остановиться на связях диалектологии и этнографии. И.А. Оссовецкий, опираясь на диалектный материал, утверждает, что «это связи двусторонние. С одной стороны, крестьянские постройки, орудия труда, бытовые предметы и одежда, а также старинные обряды имели раньше (а отчасти сохранили и в настоящее время) местные различия, которые изучает этнография. С этими различиями часто бывает связано и различие в названиях соответствующих предметов или понятий. Поэтому изучение диалектной лексики, относящейся к старому крестьянскому быту, невозможно без знания этнографии. Но, с другой стороны, и сами диалектные названия предметов и понятий крестьянского быта являются важными этнографическими признаками» [Оссовецкий 1982: 175]. По мнению В.А. Козырева, «необходимо подчеркнуть, что границы этнографических различий часто совпадают с границами диалектов. Например, распространение двух видов женской одежды: *понёвы* и *сарафана* в основном совпадает соответственно с территорией Южного и Северного наречий» [Козырев 1968: 41].

Как видим, изучение взаимоотношений между предметом и его названием необходимо и для диалектологов, и для этнографов, и для фольклористов. Поскольку фольклор создается на диалектной основе, диалектология имеет существенное значение для фольклористики. К диалектологии приходится обращаться и литературоведам, так как элементы диалектной речи

(диалектизмы) используются, как известно, многими писателями в различных идейных и эстетических целях. А потому, наряду с изучением истории и этнографии края изучение местных говоров является важным компонентом краеведческой работы.

1.2. Диалект в зеркале лингвокультурологии

В середине XIX в. в русском обществе пробуждается широкий интерес к жизни народа, его быту, верованиям, обычаям, фольклору. Меняется и отношение к диалектам, которые еще в первой половине XIX в. рассматривались многими учеными-языковедами как искажение, порча литературного языка. Во второй половине XIX в. среди широкой общественности складывается уважительное отношение к народной речи. Огромную роль в этом сыграл «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, впервые вышедший в 1863–1866 гг. и с тех пор многократно переиздававшийся.

В рекомендациях лингвистов и педагогов содержались указания на то, что в школе необходимо изучать русский язык во всех его разновидностях. К.Д. Ушинский одной из целей преподавания языка в школе считал «усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой». А.А. Шахматов писал: «Из обзора русских наречий, из знакомства с живыми говорами учащийся вынесет уважение к идее народности. Он увидит народ не в одних блестящих проявлениях культурной и государственной жизни, не в одних полководцах и сановниках, писателях и художниках – он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни <...>. Все это приблизит учащегося к самому народу и вызовет в нем уважение к его прошлому, а также веру в него, в его будущее» [Цит. по: Еременко 2003: 157].

По мысли М.В. Панова, «эти идеи легли в основу методики преподавания русского языка в советской школе в начальный ее период. В эти годы рекомендуется уважительное отношение к речи учащихся, говорящих на диалекте. Учителя вместе с учащимися проводят наблюдения над живой речью населения

края, в том числе и над ее диалектными особенностями, собирают фольклорный материал. Положительно оценивается использование диалектизмов в художественной литературе и критикой» [Панов 1990: 151].

Но затем это отношение к народной диалектной речи резко меняется. Связано это было с изменением отношения к крестьянству – основному носителю диалектов. Социальные преобразования в деревне в 1920-1970-е гг. были направлены на уничтожение крестьянства как класса, на превращение крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Массовая коллективизация крестьян и уничтожение самых рачительных хозяев под лозунгом борьбы с кулачеством в 1920 – 1930-е гг., грабительская политика, приводившая к массовому обнищанию и вымиранию от голода целых деревень, заставляла крестьян, особенно молодежь, любой ценой переселяться в город. Кампания 1960 – 1970-х гг. по ликвидации так называемых неперспективных деревень усугубила положение.

В результате этих социальных преобразований говоры многих деревень перестали существовать вместе с самими деревнями. Крестьяне, переехавшие в города и перевезенные из разных мест в одно, утрачивают многие исконные языковые черты, а дети, воспитываемые в городах и районных центрах, больше подвержены влиянию литературного языка. Нарушается естественная языковая связь поколений.

Изменения эти в значительной степени обусловлены сформировавшимся в 1930-е гг. негативным отношением к крестьянству как классу и к крестьянской народной культуре, народному быту, диалектам как языку деревни.

Кроме того, с 1930-х гг. политиками и философами выдвигается идея интернационализации и сближения национальных культур и языков, постепенного отмирания различных языков в социалистическом обществе и формирования единой социалистической культуры и единого языка, в основе которого должен лежать русский литературный язык. В соответствии с этим диалекты русского языка объявлялись пережитком прошлого, отклонением от литературного языка, его извращением. Диалектизмам в речи носителей

литературного языка объявлялась беспощадная война.

В этом же направлении менялась методика преподавания русского языка в диалектной среде. Целью ее становилось, как писал Н.А. Мещерский, «устранение диалектизмов всех видов из речи учащихся. Перед учеником-диалектоносителем стоит очень сложная задача: живя в окружении взрослых, таких же диалектоносителей, как и он сам, освободиться от свойственных его речи привычных с детства диалектизмов и овладеть литературной речью» [Мещерский 1972: 52]. Конечная цель этой борьбы – полное вытеснение диалектов литературным языком.

Эта социальная и языковая политика нанесла русскому языку значительный ущерб. Происходящее в настоящее время, в большой мере в связи с этой политикой, нивелирование диалектов, утрата ими черт, отличающих их друг от друга и от литературного языка, – это утрата части их языкового богатства, обеднение общенародного языка.

В.И. Трубинский писал, что «проводившаяся у нас языковая политика имела и другие отрицательные последствия. Найдутся, вероятно, и такие учителя, которые ведут в школе открытую и последовательную борьбу со всем языком деревни. У ученика такой школы образуется понятие, что нет хуже языка, как язык своей семьи и деревни. Такая школа принесет учащимся в ней большой вред, который будет тем значительнее, чем успешнее она утвердит в своих питомцах враждебное отношение к народному языку. Всякое наступательное движение по отношению к народному языку при ничтожной и только кажущейся пользе принесет страшный, непоправимый вред в разных отношениях: моральном, педагогическом, образовательном» [Трубинский 2004: 57].

Воспитание в детях отрицательного отношения к языку своих родителей, своих предков – это воспитание безнравственности. Вместе с тем это и воспитание в жителях деревни комплекса неполноценности.

О русском языке говорят как об одном из самых богатых языков мира. Богатство языка – это в первую очередь богатство его синонимии, возможность один и тот же смысл передать разными способами. Диалекты как раз и дают

такую возможность в силу разнообразия словарного состава, грамматических и фонетических средств. В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» около 120 тысяч слов, а в словнике только одного из многочисленных региональных диалектных словарей, не включающих слова, полностью совпадающие с литературными, – «Архангельского областного словаря» 180 тысяч слов.

С.И. Львова справедливо считает, что «языковое богатство русских диалектов отражает и различное видение говорящими окружающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может члениться по-разному, что проявляется в разном количестве слов – названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей» [Львова 1999: 32].

Всё это делает говоры одним из ценнейших источников для лингвокультурологических исследований, интегрирующих язык и культуру в осмыслении диалектных фактов.

Так, в одних русских говорах, как и в литературном языке, лингвистическое время членится на прошедшее, настоящее и будущее, а в других еще сохраняются перфект и плюсквамперфект (давнопрошедшее).

В литературном языке существует одно название для незрелой лошади – *жеребёнок*. А в говорах, по наблюдениям исследователей и данным диалектных словарей, чаще всего встречаются несколько названий жеребят разных возрастных периодов, например:

– первый период – *сосун, сосок, соска, лошонок, лошак, коножка, селеток, озимок, перевозимок*;

– второй период – *стригач, стриган, стригун, стрйга, стрижка, стрижак, летошник, лонщак, лонщйна, перезимок, полуторник*;

– третий период – *третьяк, третьяка, трехлётток, троелеток, учка, первопашика, гулок, боронка, бороныш, боронищик, боронник, бороновалка* и др.

Встречается и более дробное членение, которое может осложняться различиями по полу.

Разное видение одного и того же предмета в различных говорах

проявляется и в том, что в этом предмете выделяются разные признаки, мотивирующие его название. Предмет, таким образом, связывается с разными понятиями, а слово – с разными родственными словами.

Например, в белгородских говорах употребляются слова *ухват* и *рогач* для обозначения приспособления, которым достают из печи горшки или, наоборот, помещают их в печь. При этом слово *ухват* образовано от *хватать*, *ухватить* (наименование по функции); а *рогач* – от *рогатый* (наименование по внешнему виду реалии). В других говорах в том же значении известны также слова *ручник* (от *ручной* – наименование по отношению к руке, которой держат ухват), *емки* (от *имать* ‘брать’, в котором также просматривается идея руки как инструмента).

Следует также отметить, что современные белгородские проявляют две тенденции: с одной стороны, в силу соседства с Украиной они демонстрируют результаты взаимодействия с пограничной территорией, что проявляется в смешении диалектов, о чем свидетельствуют такие языковые факты, как: *шлях* – *сущ.*, *-а*, *муж.р.*, *нейтр.* ‘путь’, «*Шлях-та праили нималый*» (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.); *як* – *местоим. нареч.*, союз ‘как’, «*Он ей як дал па макушки*» (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.); *трóшки* – *нареч.*, *нейтр.* ‘чуть-чуть, мало’, «*Хай трóшки пагуляить*» (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.); *Хай* – *част.* ‘пусть’, «*Хай падё у хату и там сядить*» (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.); *нихáй* – *част.* ‘пусть’ (с. Шмеховое, Чернянский р-н, 1999); *бэрэза* – *сущ.*, *-ы*, *жен.р.*, *нейтр.* ‘берёза’ (с. Славянка, Чернянский район, 1999 г.); *шапшинá* – *сущ.*, *-ы*, *жен.р.*, *нейтр.* ‘шиповник’, «*Шапшина там расте*» (с. Славянка, Чернянский район, 1999 г.), украинизм, ср. укр. *шипши́на*, и др.

С другой стороны, здесь фиксируется языковая архаика, уходящая корнями в древнерусский язык: *вóрог* – *сущ.*, *-а*, *муж.р.*, *экспр.* ‘враг’, «*Жуки-вóраги на гароде*» (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.); *калюжа* – *сущ.*, *-и*, *жен.р.*, *нейтр.* ‘лужа’, «*Калюж понатикло посли дажжя*» (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.), ср. с названием города *Калуга*.

Архаика проявляется не только на уровне лексики, но и фонетики и грамматики. На уровне фонетики белгородские говоры характеризуются отсутствием фонем Ф и Ф', что также уходит корнями в языковое прошлое. Регулярными заменами указанных фонем являются звуки У-неслоговое (на месте оглушения звука В), сочетание ХВ (на месте Ф в сильной позиции перед гласным) или Х (перед согласным): *дэука, хвартук, ко́хта*.

Кроме того, в области грамматики сохраняется немало рудиментарных черт. В частности, сохраняются рефлексы старых русских окончаний имен прилагательных с наложением южнорусского аканья: *то́лстай, харо́шай* и т.п.; старые глагольные формы изъявительного наклонения: *несётъ* (с мягким финальным согласным и без перехода Е в О), *хóдитъ* и т.д.

Как видим, характеризуя диалектные слова, мы одновременно даем характеристику не только языковому явлению, но и факту народной культуры, быта, что значительно расширяет адресацию диалектологических исследований.

При этом следует заметить, что диалекты русского языка – реальность настоящего времени. Их исчезновения не произойдет и в ближайшем будущем. Однако они заметно изменяются, деградируют. Кроме действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, нужна и наиболее полная фиксация их современного состояния. Во многих сельских и районных школах существуют этнографические музеи, сохраняющие предметы старого быта, старой местной культуры. И точно так же необходимо создавать в этих школах, в диалектологических кабинетах вузов фонды магнитофонных записей речи представителей местных говоров. Эти записи уже сейчас представляют собой бесценные памятники русской народной культуры, со временем же их значение неизмеримо возрастет.

Выводы по главе I

Исходя из того, что диалектология связана с целым кругом лингвистических (и шире – филологических), а также исторических наук, без

учета диалектных данных невозможно построение исторической грамматики, т.е. того раздела истории языка, который изучает изменение системы народно-разговорного языка и отдельных элементов этой системы.

Очевидна связь диалектологических исследований с лингвокультурологическим подходом к фактам языка. Так, еще в середине XIX в. в русском обществе проявился широкий интерес к жизни народа, его быту, верованиям, обычаям, фольклору, вследствие чего изменилось и отношение к диалектам, которые еще в первой половине XIX в. рассматривались многими учеными-языковедами как искажение, порча литературного языка. Во второй половине XIX в. среди широкой общественности складывается уважительное отношение к народной речи.

Несмотря на то, что диалекты русского языка – реальность настоящего времени, они на наших глазах заметно изменяются, а потому, помимо действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, нужна и наиболее полная фиксация их современного состояния.

Характеризуя диалектные слова, производя их лингвокультурологический комментарий, мы одновременно даем характеристику не только языковому явлению, но и факту народной культуры, быта, что значительно расширяет адресацию диалектологических исследований и углубляет знания о диалекте как носителе народной культуры.

ГЛАВА II. НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРАХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ

2.1. Белгородские говоры в контексте истории и культуры народа

Известно, что Белгородская земля представляет собой особый лингвокультурный феномен. «В древности, около VIII века, на территории нынешней Белгородской области жили аланы (салтово-маяцкая культура). С VIII века запад Белгородчины осваивают северяне (роменско-борщевская культура). В VIII-IX веках эта территория попала под власть Хазарии. В годы Киевской Руси она входила в состав Черниговского княжества. Монголо-татарское нашествие привело к запустению края. Затем Белгородчину начало осваивать Великое княжество Литовское. С 1500 года она находится в составе Великого княжества Московского. В 1708-1727 годах территория современной Белгородской области входила в Киевскую и Азовскую губернии. В 1727 была образована Белгородская губерния, которая просуществовала до 1779 года. Она занимала земли не только современной Белгородчины, но и территории нынешних Курской, Орловской, частично Брянской и Харьковской областей. После подписания Брестского мира с апреля 1918 по январь 1919 годов Белгородчина была составной частью Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского. На рубеже XVI-XVII веков для надёжной охраны русских владений была сооружена сплошная линия военных укреплений – Белгородская оборонительная черта, которая протянулась почти на 800 километров» [http://belogorie.info/istoriya_belgorodskoy_oblasti].

«Не менее пестрой оказывается и современная лингвокультурная история Белгородчины. Население городов области в послевоенные годы пополнялось за счет притока жителей сельских районов, поэтому в городских населенных пунктах сформировалась особая разновидность речи, вбирающая в себя как общенародный пласт, так и диалектную специфику. В результате образовались белгородские городские полудиалекты, активно функционирующие по настоящее время, а также белгородский региолект, объединяющий языковое

пространство региона и отмеченный диалектными чертами. И эта разновидность народной речи представляет не меньший интерес, чем собственно диалекты, и по сути еще ждет своего научного описания» [Кошарная 2017: 20].

В современной диалектологии значительное внимание уделяется исследованию региональной лексики с использованием лингвокультурологического подхода. Для белгородских говоров подобный подход представляется особо актуальным в связи с особыми условиями формирования известного диалектного континуума. Белгородские говоры занимают особое место среди говоров южновеликорусского наречия. Своеобразие белгородских говоров усиливается за счет особенностей их функционирования в системе общенародного языка. Говоры Белгородчины оказались в условиях широких междиалектных и межъязыковых контактов, главным образом, с украинцами. Как известно, язык жителей Белгородчины формировался в необычных условиях – при постоянной миграции различных этносов, под большим влиянием украинских (в частности, слобожанского) говоров. Таким образом, этнический коллектив, проживающий на территории Белгородчины, достаточно сложен и неоднороден.

Тем не менее, белгородские говоры в основной своей массе опираются на русскоязычную основу, сформировались на базе старорусского языка, что подтверждают сохранившиеся в лексике старорусские формы.

И в этой связи актуальным является понятие региолекта, который трактуется как «особый словарь региона, понимаемого как административная территориальная единица (в нашем случае речь идет о Белгородской области), поскольку сама история возникновения каждой такой территории уже детерминирует особенности языка данной местности. В частности, белгородский региолект как объединенное языковое пространство, во-первых, возник на стыке разноязычных территорий (Россия и Украина), а во-вторых, в процессе своего развития соотносим с различными административно-территориальными центрами (Харьков, Курск, Воронеж), и в силу этого

отмечен разноязыковыми и междиалектными чертами, представляя собой уникальную разновидность местной речи» [Кошарная 2016: 110].

Также, стоит отметить, что в последние годы исследователи-диалектологи особенно активно проявляют интерес к лексике, связанной с материальной и духовной культурой человека, рассматривая диалектную единицу не только как лексическую, но и как этнографическую и культурологическую. По мнению Л.А. Власовой, «диалектные слова несут в себе отражение картины ценностного восприятия мира носителями языка. Бесценный клад драгоценных слов, каждое из которых – отпечаток русского духа, постепенно иссякает, и задача современных исследователей народных говоров – успеть обнаружить и бережно сохранить эти богатства для будущих поколений» [Власова 1979: 3]. В частности, говоры Белгородчины отражают территориальное взаимодействие между различными этническими группами и демонстрируют архаичные черты на различных языковых уровнях.

На сегодняшний день большое количество архаичных наименований одежды сохранилось только в речи носителей диалектов старшего поколения. Значимость данной лексики заключается в том, что она предоставляет возможность погружения в историю русского языка и культуры. Данная лексика рассматривается нами в семантическом и этимологическом аспекте, а также в контексте историко-культурного описания Белгородчины.

Отметим, что в тематической группе «Наименования предметов одежды» выделяются частные лексико-семантические группы (ЛСГ), противопоставленные по предметным характеристикам: головной убор и верхняя одежда. В нашем исследовании мы дифференцируем названия одежды, включая головные уборы, и рассматриваем их как отдельные подгруппы.

2.2. Названия мужской одежды и мужских головных уборов в белгородских говорах

К семантическому кластеру «Названия мужской одежды и мужских головных уборов» мы отнесли следующие диалектизмы и этнографизмы.

«**Ват'янка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Ватная верхняя одежда, преимущественно мужская. /**Ват'янка**// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [СРНГ]-> [ООСБ 2017: 50].

«**Жупан** – суц., -а, муж.р., нейтр. Вид мужской одежды, разновидность теплого кафтана. /**Жупань** нас'ил'и хлонтцы// (Борисов.). || Проникает в рус. говоры через посредство Украины, ср.: у поляков и белорусов *жупан* – старинный дворянский (шляхетский) костюм, род *сюртука*, откуда на территории Украины *жупан* – тёплая верхняя одежда, род *охабня*, на народном языке – *зипун*. || [СРНГ 9: 226]+» [ООСБ 2017: 112-113].

«**Зипун** – суц., -а, муж.р., нейтр. Верхняя мужская одежда, тёплый кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна, разновидность теплой (зимней) верхней одежды. /**З'ипуны** т'оплыш//; /*гáдкај з'ипун*// (с. Троженец, Новооск., 1999 г.; с. Ураково, Краснен., 2005 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.); разновидность пальто из овечьей шерсти. /*У мин'е такóј-та з'ипун нóвај*// (х. Плоский, Губкин., 1999 г.). || «1. Верхняя одежда на меху или из меха. Красносл. Пенз., 1928. Дон. 2. Плохая, рваная одежда. Вытегор. Олон., 1896. Волог., Влад., Дон.» [СРНГ 11: 284]+» [ООСБ 2017: 127].

«**Кафтán** – суц., -а, муж.р., устар. Мужская долгополая одежда. /**Кафтáны** раишывáлы гáрусам// (с. Троженец, Новооск., 1999 г.). || «**Кафтán**, а, м. 3. Пиджак из едка, наподобие сюртука, но без разреза сзади Холмог. Арх. 1952-1956» [СРНГ 13: 139]+» [ООСБ 2017: 137].

«**Кужу́х**, см. также **кожух** – суц., -а, муж.р., нейтр. Тулуп. /**Кужу́х**// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). || «**Кóжух**, а и **кожу́х**, а, ж.<...> 4. Кожу́х. Кожаная непромокаемая одежда (рыбаков и др.). Касп., 1858» [СРНГ 14: 54]+» [ООСБ 2017: 155].

«**Малахáй** – суц., -я, муж. р., нейтр. Мужской головной убор, шапка-ушанка, шапка с ушами для холодных времен года. /**Малахáј**//; /**Малахáи** нас'ил'и з'имóј/ с ушáм'и так'иу// (с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; с. Большетроицкое, Шебекин.). [СРНГ 17: 318-319](-)> [ООСБ 2017: 169].

«**Світа, світа** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Мужская верхняя широкая, долгополая тёплая одежда. /**Св'іта**//; /**Світа**// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; п. Зенит, Вейдел.). || «**Свита**, ж 1. Ряса священника. Пск., Горьк., 1927. 2. Сорочка, рубаха. Орл., Калуж., Даль [с вопросом]. 3. Старая рваная одежда. Новорж., Опоч. Пск., 1852. Пск. Калин. <...> Волог. <...> 4. Вязаная одежда, свитер. Овинищ. Калин., 1939. 5. Приданое невесты, её наряд. <...> Арх., 1971. <..>» [СРНГ 36: 303](-)» [ООСБ 2017: 253].

«**Світка, світка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Верхняя теплая одежда. /**Світка**// (п. Пролетарский, Ракитян.). || «1. **Свитка**, ж. 1. Мужской пиджак. <...> Красногор. Брян., 1974. 2. Рубаха, сорочка. Мцен. Орл., Снегирев, 1850. Калуж., Даль [с вопросом к знач.]. 3. Легкая женская одежда врод сарафана; празднична одежда. Ярен. Волог., 1853. 4. Одежда наподобие жилета. <...>. Яросл., 1968. 5. Манишка. <...> Р. Урал, 1976. 6. Стара рвана одежда. Пск., 1902 1904. Калин.» [СРНГ 36: 303](-)» [ООСБ 2017: 253].

«**Телогрэйка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Мужская стёганая одежда длиной до колен. /**Т'илаурэјка**// (с. Троженец, Новооск., 1999 г.). || «**Телогрэйка**, ж. <...> 3. Мужская одежда – жилет с рукавами. Вельск. Арх., Архив РГО» [СРНГ 44: 12]+» [ООСБ 2017: 283]

«**Тулуп** – суц., -а, муж.р., нейтр. Верхняя мужская одежда из овчины, обычно не крытая сукном меховая шуба из овчины без перехвата в талии с высоким воротником. /**Му́жн'ин тулуп нас'ила**// (с. Троженец, Новооск., 1999 г.). [СРНГ 45: 238]+» [ООСБ 2017: 293].

«**Чекмёнь** – суц., -я, муж.р., нейтр. Верхняя мужская одежда из сукна, наподобие кафтана, в талию, со сборами сзади, подвязывалась пестрым поясом, бытовала у казаков. /**Чикм'ён' пат по́јас нас'ил'у**// (п. Пролетарский, Ракитян.). || Вероятно, заимствовано из украинского, появление слова в украинском языке связано с военными и торговыми контактами казаков с тюркскими народностями. || «**Чекмень, чекменек** м. вост. крестьянский кафтан, более исподний; чекменёк, короткий полукафтан, с перехватом; донск. урал. казачий кафтан, чекменик» [Даль IV: 587]+» [ООСБ 2017: 318].

«*Ші́ворот* – суц., -а, муж.р., нейтр. Мужская долгополая одежда с воротником. /*Ші́ворот*// (с. Лубяное, Чернян., 1999 г.). || «**Шиворот** м. – ворот, воротник» [Даль IV: 632](-)» [ООСБ 2017: 325].

Название мужской одежды и мужских головных уборов в белгородских говорах подразделяются по признаку летний / зимний. В белгородских говорах, как и в других народных говорах, встречаются существительные в качестве названий мужской одежды и мужских головных уборов, совпадающие по значению с общенародным языком (*жупáн, зипу́н, кафта́н, кужу́х, телогрѐйка, тулу́н*), и собственно диалектные слова (*ватя́нка, малаха́й, сві́тка, ші́ворот*). Примечательно, что 1/8 лексем (16%) являются украинизмами (*жупáн, чекме́нь*). Например, появление слова *чекме́нь* в украинском языке связано с военными и торговыми контактами казаков с тюркскими народностями.

В качестве мотивационных основ наименований мужской одежды и мужских головных уборов в белгородских говорах представлены: а) форма головного убора (*малаха́й*); б) профессия, занятие человека (*чекме́нь*), в) крой изделия (*тулу́н*), г) способ ношения (*жупáн, телогрѐйка*).

Сравнивая набор дифференциальных сем в литературном языке и в белгородских говорах при наименовании зимних мужских головных уборов, мы видим их определенное отличие. Так, в литературном языке и вязаная, и шитая, имеет одно название – шапка. В говорах для зимней шапки имеется специальная номинация – *малаха́й* – мужской головной убор, шапка-ушанка, шапка с ушами для холодных времен года.

По своему происхождению некоторые слова связаны с тюркоязычной средой (*тулу́н, кафта́н, зипу́н, малаха́й*), к исконно русским можно отнести лексемы *ватя́нка, телогрѐйка, ші́ворот*.

2.3. Названия женской одежды и женских головных уборов в белгородских говорах

В ЛСГ «Названия женской одежды и женских головных уборов входят такие лексемы, как:

«**Вербо́ты** – сущ., -□, мн.ч., нейтр. Кружевная вставка на одежде. (с. Федосеевка, Старооск., 2005 г.). || «**Вербо́ты**, мн. Оборки на рукавах. Она вышла, выходила рано за ворота, Обронила, потеряла кружевные верботы. Орл., Иваменко, 1905» [СРНГ 4: 123](-)» [ООСБ 2017: 52].

«**Завéска**, см. также **хвартук**, **зависка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Фартук в виде полотнища с завязками, без нагрудной части, закрывает область живота. /Зав'ёску пов'ажы//; /Новају зав'ёску куп'ила// (с. Лесное Уколово, Краснен., 1998 г., с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Грушевка, Волокон.; Губкин., Шебекин., п. Строитель, Яковлев.; с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; с. Федосеевка, Старооск., 2005 г.; с. Казацкое, Красногвард., 2016 г.). || «**Завéска** и **зáвеска**, и, ж. <...> 2. Передник, фартук. Завéска. Дон., 1848. Рост.» [СРНГ 9: 307]+ **Р**» [ООСБ 2017: 114].

«**Запа́ска** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Фартук. /Запа́ска// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; с. Купино, Шебекин.). || «1. Женский передник, фартук. Малоарх. Орл., 1852. Орл., Обоян. Курск. 2. Два полотнища различных цветов, по большей части полосатые, прикрепленные поясом одно спереди, другое сзади, употребляемые вместо юбки. Тул., Южн., Кубан., 1902» [СРНГ 10: 305]+» [ООСБ 2017: 120-121].

«**Запо́на**, см. также **запонка**, **запынка** – сущ., -ы, жен.р., нейтр. Фартук, закрывающий область живота, в виде прямоугольника с завязками. /Запо́на рва́нају//; /Запо́на у гр'аз'и// (с. Грушевка, Волокон.; с. Казацкое, Красногвард., 2016 г.). [СРНГ 10: 343]+» [ООСБ 2017: 121].

«**Лéнта** – сущ., -ы́, жен.р., нейтр. Девичий головной убор в виде ленты. /Л'энтю д'эука нав'ірх валóс нав'ажыт// (с. Лубяное, Чернян., 1999 г.). [СРНГ 16: 355]+» [ООСБ 2017: 162].

«**Матрёшка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. <...> 2. Маленький теплый головной платок. /Матр'ошку падр'ажу́ да пайдú// (с. Илек-Пеньковка,

Красноярж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Грушевка, Волокон.). [СРНГ 18: 36](-)» [ООСБ 2017: 170].

«**Пáра**, см. также **парочка** – *сущ., -ы, жен.р., нейтр.* Женский костюм, женская одежда: юбка и кофта из одной ткани, одного материала. /**Пáра**// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; х. Плоский, Губкин., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Н. Таволжанка, Шебекин.; п. Яковлевка, Яковлев.; Ровеньск.). [СРНГ 25: 214]+ **Р**» [ООСБ 2017: 200].

«**Пáрочка**, см. также **пара** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Женская одежда, род костюма: юбка и кофта из одной материи. /У **пáрашк'и** *úd'a*//; /**Пáрочка** / *júпка* *дл'инаја* / *ширóкаја*// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; х. Плоский, Губкин., 1999 г.) [СРНГ 25: 241]+» [ООСБ 2017: 201].

«**Пелычóк** – *сущ., -а, муж.р., нейтр.* Зимний женский головной убор. /**П'илычóк**// (Новооск.; с. Богородское, Новооск., 1993 г.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 203].

«**Перлі́нка** – *сущ., -ы, жен.р., нейтр.* Вышивка бусами, искусственным жемчугом на одежде; бисерный орнамент на одежде. /**Вышывáл'и** *рáншы* *п'ирл'ынк'и* *на од'эжд'и*// (г. Бирюч, Красногвард., 2016 г.). [СРНГ 26: 284](-)» [ООСБ 2017: 204].

«**Подшáльник** – *сущ., -а, муж.р., нейтр.* Небольшой легкий платок, повязка, надеваемые под шаль для тепла. /**Дл'а** *т'иплá* *нас'ил'и* *патшáл'н'ик'и*//; /**Пыдшáл'н'ик**// (с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.; с. Николаевка, Вейдел.). [СРНГ 28: 252]+» [ООСБ 2017: 217].

«**Понёва** – *сущ., -ы, жен.р., традиц.* Женская юбка особого покроя, сшитая из трех полотнищ шерстяной, обычно клетчатой яркой (черно-красной, сине-красной) ткани, элемент русского народного костюма. Панёвы носили только замужние женщины или просватанные девушки. /**Н'ав'эсту** *уб'ирáл'и* *у пан'óву*//; /**С ш'ёрст'и** *в'изáл'и* *пан'óву*//; /**Падáр'иннаја** *пан'óва*//; /**Д'эук'и** *сајáны* *нас'ил'и* / *а бáбы* *пан'óвы*// (с. Богородское, Новооск., 1993 г.; с. Истобное, Губкин., 1997 г.; с. Лесное Уколово, Краснен., 1998 г.; с. Камызино, Краснен., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Федосеевка, Старооск., 2005 г.; с. Ураково, Краснен., 2005 г.; Белгор.; Яковлев.; Шебекин.; п. Волоконовка,

Волокон.; с. Засосна, Красногвард.; Вейдел.; с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.; с. Хмелевое; Краснен.; с. Белый Колодезь, Вейдел., 2013 г.). [СРНГ 29: 254]+ **R**» [ООСБ 2017: 233].

«**Рубáшка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Женская нижняя рубашка. /**Рубáшка** / *сарóч'ка пат сарахвáн*// (с. Лубяное, Чернян., 1999 г.). [СРНГ 35: 217]+» [ООСБ 2017: 246].

«**Свѣтка, свѣтка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Верхняя теплая одежда. /**Свѣтка**// (п. Пролетарский, Ракитян.). <...> 3. Легкая женская одежда врод сарафана; празднична одежда. Ярен. Волог., 1853. 4. Одежда наподобие жилета. <...>. Ярослав., 1968. 5. Манишка. <...> Р. Урал, 1976. 6. Стара рвана одежда. Пск., 1902 1904. Калинин.» [СРНГ 36: 303](-)» [ООСБ 2017: 253].

«**Сорóка** – суц., -и, жен.р., традиц. Традиционный женский головной убор замужней женщины. Сорóку надевали невесте на свадьбе в знак изменения её статуса. /*Нав'эста у сарóк'и*//; /*Сарóка нар'áдна*//; /*Пав'эрх к'íчк'и сарóку ад'ивáл'и*// (с. Хмелевое, Краснен.; с. Камызино, Краснен., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Никольское, Шебекин.; г. Белгород, Белгор.). [СРНГ 40: 21]+» [ООСБ 2017: 267].

«**Спиднѣца** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Нижняя женская юбка. /*Сп'идн'ѣца*//; /*Сшы́ј соб'ѣ сп'идн'ѣцу*// (с. Н. Таволжанка, Шебекин., 2005 г.; с. Петровки, Губкин.); /*Сп'иднѣца*// (п. Пролетарский, Ракитян.). Украинизм, ср. укр. *спідниця* – ‘юбка’. || «Спѣднѣца, ж. 1. Юбка. **Спѣдниця**. Надень спидницю. Хакас. Краснояр., 1967. **Спиднѣца**. Юго-вост. Кубан., 1949. 2. **Спиднѣца**. Женская рубаха без подкладки. Иван., 1984» [СРНГ 40: 141]+» [ООСБ 2017: 269].

«**Спóдниця** – суц., -и, жен.р., нейтр. Нижняя женская длинная (до икр) рубашка. /**Спóдн'ица**// (п. Пролетарский, Ракитян.). || «Спóднѣца, ж. 1. Женская нижняя юбка (чаще из грубого домотканного холста)» [СРНГ 40: 184]; «Спѣднѣца, ж. 1. Юбка. **Спѣдниця**. Надень спидницю. Хакас. Краснояр., 1967. **Спиднѣца** . Юго-вост. Кубан., 1949. 2. **Спиднѣца**. Женская рубаха без подкладки. Иван., 1984» [СРНГ 40: 141]+» [ООСБ 2017: 269].

«**Твет**, см. также *тветок, твяток* – сущ., -а, муж.р., нейтр. <...>

2. Головной убор невесты, который представлял собой подобие венка, сплетенного из цветов. /**Тв'ёт** и *плáтjи д'ужа крас'івы*// (с. Зиборовка, Шебекин., 2004 г.). [СРНГ 43: 325]+ **Р**] [ООСБ 2017: 282].

«**Фатá** – сущ., -ы́, жен.р., нейтр. Головной убор невесты. /**Фатá** *кружывна́ја былá*// (с. Волоотово, Чернян., 1999 г. и повсеместно). [Даль IV: 533]+ **Р**] [ООСБ 2017: 303].

«**Ху́стка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Платок, косынка. /*Крас'іваја ху́стка у т'иб'е́/ у цв'ата́х ус'а́*//; /*Пов'азáт' крас'іву ху'стку*// (х. Миндоловка, Корочан., 1999 г.; с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Большая Ивановка, Новооск., 2004 г.; с. Большетроицкое, Шебекин., 2005 г.; с. Радьковка, Прохоров.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). [Даль IV: 569]+ **Р**] [ООСБ 2017: 313].

«**Холода́йка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Летняя женская одежда; женская верхняя одежда, которую носили поверх сарафана и рубахи в прохладную летнюю погоду. /*Цв'атна́ја халада́йка*//; /*Халада́йку куп'іла*// (с. Лесное Уколово, Краснен., 1998 г.; с. Троженец, Новооск., 1999 г.; с. Ураково, Краснен., 2005 г.). [Даль IV: 559]+» [ООСБ 2017: 310].

«**Ху́сточка** – сущ., -и, жен.р., экспр., ласкат. Тонкий платок. /*Пада́ј м'ин'і мају ху́стач'ку*// (с. Большетроицкое, Шебекин., 2005 г.). [Даль]-» [ООСБ 2017: 313].

«**Хусты́на** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Платок. /*Хусты́ну нав'ижы́ у це́ркву*// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [Даль]-» [ООСБ 2017: 313].

Тематическая группа «Названия женской одежды и женских головных уборов» в белгородских говорах представлена 23 диалектными лексическими единицами. Часть лексем совпадает со словами литературного языка и в плане выражения, и в плане содержания: **фатá**, **понёва**. Некоторые лексем совпадают со словами литературного языка в плане выражения, но отличаются в плане содержания: в белгородских говорах **лэ́нта** «девичий головной убор в виде ленты»; **лента** в литературном языке «узкая полоска ткани, используемая для украшения», в говорах – «девичий головной убор»; **матрешка** в

литературном языке «полая внутри деревянная кукла», в говорах – «красивый, нарядный, теплый платок» и др. Есть лексемы, которые совпадают в плане выражения и в плане содержания с лексикой других говоров. Например, в северных говорах *сорока* – «головной убор замужней женщины», в белгородских диалектах эта лексема известна в значении «традиционный женский головной убор замужней женщины».

В данной группе украинизмы не отмечаются, но здесь имеются лексемы, составляющие слова собственно-белгородские, не отмеченные в других региональных словарях, в других говорах: *пелычóк, хусточка, хустына*.

2.4. Наименования одежды без дифференциации на мужскую и женскую

В группу «Наименования одежды без дифференциации на мужскую и женскую» относятся следующие лексемы.

«Александрййка – сущ., -и, жен.р., нейтр. Красная ткань с пропиткой другого цвета; одежда из такой ткани. /*Таўда́ адéла александрййку*// (с. Федосеевка, Старооск., 2005 г.). [СРНГ]- || «*АЛЕКСАНДРЕЙКА, лександрейка ж.* красная бумажная ткань, с пропиткой другого цвета (белую, синюю, желтую), на крестьянские рубахи» [Даль I: 10]. || «*Александрййка* – это особый вид красной пестряди, хлопчатобумажной ткани, производившейся в России в XVIII-XIX веках почти исключительно на территории Шуйского уезда Владимирской губернии. К настоящему времени и сама ткань, и способ ее производства были утеряны. <...> Название ткани связано с первоначальным местом изготовления – городом Александрией в Египте. <...> Об особенной популярности красной пестряди свидетельствует множество ее названий: *александрййка, александровка, александрейка, ксандрейка, касандровка*. <...> Производимая в больших количествах в селе Иванове и округе александрййка и другие пестряди оказали заметное влияние на оформление русского народного костюма разных губерний, в том числе и близкие нам владимирские, костромские и ярославские наряды» [Соколова Н.В. Возвращение

александрийки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://дом-ремесел.рф/rekonstrukcija/p0304/p0302/p0303/index.htm>] [ООСБ 2017: 27].

«**Ба́рхатник** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Праздничный головной убор. /*Моја ба́бка ад’ивала на пра́здн’ик’и ба́рхатн’ик*// (с. Федосеевка, Старооск., 2005 г.). || «**Ба́рхатник**, а, м. <...> 3. Часть головного убора. Потом надевали бархатники. Комарич. Брян., 1961» [СРНГ 2: 122]+» [ООСБ 2017: 33].

«**Вдя́галка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Одежда, куртка, пальто. /*Шы́лы вд’а́галки из авн’анай шéрст’и*// (с. Банкино, Вейдел.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 50].

«**Везёнка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Вязаная рукавица. /*С шéрст’и в’иза́л’и в’из’о́нк’и*// (п. Пролетарский, Ракитян.; с. Белый Колодезь, Вейдел., 2013 г.). [СРНГ 4: 97](-)» [ООСБ 2017: 51]

«**Гало́ша** – сущ., -и, жен.р., нейтр., мн.ч. -ей. Галоши. /*Но́н’и уало́шей н’ийд’э н’и куп’иш*// (с. Шмеховое, Чернян., 1999 г.). [СРНГ 6: 117]+» [ООСБ 2017: 74].

«**Га́чник, га́шник** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Разновидность пояса в виде подвязки, тесьмы, которая вдевалась в пояс брюк и затягивалась на талии. /*Шарава́ры на га́шн’ик’и д’иржа́л’ис*// (с. Купино, Шебекин.). [СРНГ 6: 155]+» [ООСБ 2017: 76-77].

«**Голя́шки** – сущ., мн.ч., спец. Рабочие рукавички. /*Так’и́и уал’а́шк’и бы́л’и / в н’и́х роб’и́л’и*// (с. Богородское, Новооск., 1995 г.; с. Великомихайловка, Новооск.). [СРНГ 6: 351-352](-)» [ООСБ 2017: 81].

«**До́ха** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Верняя одежда, обшитая мехом. /*З до́х’и на́да мех сн’ат’ / замы́т’*// (с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 99].

«**Дерю́жка**, см. также **дяру́жка** – сущ., -и, жен.р. <...> **2. сниж.** Старая заношенная одежда или покрывало. /*Накрóјс’а д’ир’у́шкај како́ј*// (г. Валуйки, 2007 г., с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.)» [СРНГ 8: 28-29]+» [ООСБ 2017: 15].

«**Жилéток**, см. также **жилетка** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Жилетка. /*Дыв’и́с’ / жа́кый ж’ыл’э́так*// (с. Николаевка, Новооск., 1996 г.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 111]

«**Жилётка**, см. также **жилеток** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Жилетка. /Жыл'ётка// (с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 111].

«**Казанок** – *сущ., -а, муж.р., нейтр.* Головной убор. /Казанок// (Ровеньск.). [СРНГ 12: 310](-)» [ООСБ 2017: 133].

«**Калóша** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Галоша. /Калóшы// (с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; с. Грушевка, Волокон.). || «Калóш, а, м. Галоша. Один калош. Мещов. Калуж., Слов. Акад. 1906-1907. Твер.» [СРНГ 12: 363]» [ООСБ 2017: 133].

«**Капелióх**, см. также **капелюха** – *сущ., -а, муж.р., нейтр.* Шляпа. /У хát'и сн'áv капыл'úх// (с. Клименки, Вейдел.). Украинизм, ср. укр. *капелюх* – 'шляпа'. || «1. Шапка с наушниками Ворон., 1852. 2. Шляпа Зап-Брян. 1957. 3. О некрасивом на вид головном уборе» [СРНГ 13: 50]+» [ООСБ 2017: 135].

«**Капелióха**, см. также **капелюх** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Кепка или шапка-ушанка. /Кап'ил'úху нас'íl'и// (с. Большетроицкое, Шебекин.; с. Н. Таволжанка, Шебекин.). Украинизм, ср. укр. *капелюх* – 'шляпа'. || «1. Шапка с наушниками Ворон., 1852. 2. Шляпа Зап-Брян. 1957. 3. О некрасивом на вид головном уборе» [СРНГ 13: 50]+» [ООСБ 2017: 135].

«**Карту́з** – *сущ., -а, муж.р., нейтр.* Фуражка. /Карту́з//; /Куп'и́ карту́с// (х. Плоский, Губкин., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). || «1. Колпак, широкополая круглая войлочная шляпа с остроконечным верхом. Гребен. Терек., 1902. 2. Бумажная сумка. Пск., Осташк. Твер., 1855. 3. Пачка (табака). Нашел картуз табаку, курим, значит. Вят., 1907» [СРНГ 13: 106]+» [ООСБ 2017: 136].

«**Кацавёйка** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Тёплая кофта. /Набрóс' кацав'ё́жу// (п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.). || «**Куцавёйка**, и, ж. Короткая теплая кофта, **кацавейка**. Пинеж. Арх., 1885. Твер., Зап.-Брян., Хакас. Краснояр.» [СРНГ 16: 185]+» [ООСБ 2017: 137].

«**Кужу́х**, см. также **кожу́х** – *сущ., -а, муж.р., нейтр.* Тулуп. /Кужу́х// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). || «**Кóжу́х**, а и **кожу́х**, а, ж.<...> 4. Кожу́х.

Кожаная непромокаемая одежда (рыбаков и др.). Касп., 1858» [СРНГ 14: 54]+» [ООСБ 2017: 155].

«**Куфа́йка**, см. также **кухвайка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Фуфайка. /**Куфа́йка**//; /**Куфа́йку** падлажы// (с. Илек-Пеньковка, Красноярж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Грушевка, Волокон.; п. Пролетарский, Ракитян.; п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; Ровеньск.). [СРНГ 16: 180]- **Р**» [ООСБ 2017: 158].

«**Кухва́йка**, см. также **куфайка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Фуфайка, ватник. /**Кухва́йку** над'ён' ды ид'у//; /**Т'оплаја кухва́йка**// (с. Ураково, Краснен., 2005 г.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). [СРНГ 16: 180]-» [ООСБ 2017: 158].

«**Куца́к** – суц., -а, муж.р., нейтр. Зипун. /**Куца́к** крас'ивај был у н'аво// (с. Лубяное, Чернян., 1999 г.). || «**Куцавэйка**, и, ж. Короткая теплая кофта, кацавейка. Пинеж. Арх., 1885. Твер., Зап.-Брян., Хакас. Краснояр.» [СРНГ 16: 185]-» [ООСБ 2017: 158].

«**Куца́йна** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Короткая верхняя тёплая одежда, пиджак. /**Куца́йна**// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; Борисов.). || «**Куцавэйка**, и, ж. Короткая теплая кофта, кацавейка. Пинеж. Арх., 1885. Твер., Зап.-Брян., Хакас. Краснояр.» [СРНГ 16: 185]-» [ООСБ 2017 : 158-159].

«**Лифчик** – суц., -а, муж.р., нейтр. Жилет. /**Л'ифч'ик** / жыл'ётка такаја// (с. Лесное Уколово, Краснен., 1998 г.). || «**Лифчик**, а, м. 1. Шерстяная безрукавка. Лифчик как фуфайка, только без рукавов. Кедабек. Азерб. ССР, 1963» [СРНГ 17: 75]+» [ООСБ 2017: 164]

«**Носок** – суц., -а, муж.р., нейтр. 1. Передняя часть обуви. /**Носок** абодраны ув'ес// (с. Шмеховое, Чернян., 1999 г.); 2. предмет одежды. *Мн.ч. носкы*. /**Наскы**// (с. Н. Таволжанка, Шебекин.). [СРНГ 21: 291](+)» [ООСБ 2017: 185].

«**Пальто** – суц., склоняемое, -а, ср.р., нейтр. Пальто. /**Пол'та** старыи вык'инут// (с. Лубяное, Чернян., 1999 г.). || «**Пальта**, ы, ж. Верхняя осенняя и зимняя одежда, пальто» [СРНГ 25: 181]» [ООСБ 2017: 199].

«**Пинжа́к**, **пиньжа́к** – суц., -а, муж.р., нейтр. Пиджак. /**П'инжа́к** у н'ауо на сват'б'и храсныј был//; /**Д'ужа** мо́днај **п'инжа́к**// (с. Ураково,

Краснен., 2005 г.; с. Федосеевка, Старооск., 2005 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Радьковка, Прохоров.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.); Ты *п'ин'жак туда ад'эн'//* (с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). [СРНГ 27: 35]+» [ООСБ 2017: 208].

«*Поддѣвка* – суц., -и, жен.р., нейтр. Предмет одежды, которую надевают под верхнюю одежду. /*Падд'обфу / каўда хóлат ус'иўда пад'д'ивáл'и / а ш'ас хóд'ут на ўблái т'эла//* (с. Троженец, Новооск., 1999 г.). [СРНГ 27: 385-386]+» [ООСБ 2017: 214].

«*Распáшник* – суц., -а, -муж.р., нейтр. Просторная теплая зимняя одежда. /*Ацѳск'иј распáшник//* (с. Ураково, Краснен., 2005 г.). || «**Распашняк**, м. Верхняя одежда из домашнего сукна. Козел. Калуж., 1909. Смол.» [СРНГ 34: 158]» [ООСБ 2017: 242].

«*Узел* – суц., -а, муж.р., спец. Кусок ткани, в который сложено что-либо. /*Ўз'ел//* (с. Троженец, Новооск., 1999 г.). || «**Узел**, м. 2. **Смертный узел**. Одежда для покойника, завязанная в кусок ткани. *Это у меня в сундуке-те смертный узел. В нем платье, покрой.* Ардат. Морд., 2002» [СРНГ 47: 20](-)» [ООСБ 2017: 298].

«*Хорохóрье*, см. также *хархуры* – суц., -я, ср.р., экспр., неодобрит. Хлам, разбросанные вещи; старая, рваная одежда.. /*Уб'ир'и́ эта харахóр'ји атс'эл'//; /Сн'им'и́ эта харахóр'ји//* (п. Пролетарский, Ракитян.). || «**Харабóрья** ср. мн. (фалборка?) кур. мохры, края обитой одежды»; «**Хорохóриться**, храбриться, ершиться, задирать, некстати расходиться, упрячиться, ломаться с угрозами, быть строптивым. <...> Хохлиться, надуваться, говор. особ. о курах. **Хорохоря** об. **хорохоришка** ж. задорный, хвастунишка. **Хорхора** вологодск. шерстоперая, растрепанная курица. <...> **Хорхóры** или **хорохóрки** ж. мн. калужск. *тряпье, ветошь, хруни, рваная одежда*; | мохры уборов, фарафорки, бахрома; подвесочки, балаболки. **Хорохóрня** ж. собирает. **хорохóрки**; | об. или **хорохóрник**, -ница, калужск. лоскутник, -ница, оборванец, лохмотник» [Даль IV: 542; 561]» [ООСБ 2017: 310-311].

«*Шмóткы* – суц., мн.ч., -□, неодобрит. Вещи, предметы одежды. /*Шмóткы адн'и́ на ум'é//* (п. Борисовка, Борисов.; Ровеньск.). [Даль]-» [ООСБ 2017: 328].

«Штанці́ – суц., мн.ч., -ов, пренебрежит. Штаны. /Штан'ці́// (с. Радьковка, Прохоров.). [Даль]-» [ООСБ 2017: 329].

Из рассмотренных нами лексико-семантических групп, группа «Наименование одежды без дифференциации на мужскую и женскую» оказалась самой большой (32 лексемы). Как показал лингвистический анализ материала, большинство слов-наименований головных уборов образовано морфологическим способом.

Достаточно продуктивным оказался суффиксальный способ словообразования при помощи суффиксов, обладающих различной словообразовательной семантикой. Среди них встречаются лексемы, мотивированные именами существительными (*александрійка, б́архатник, лі́фчик, распі́шнии* др.). Для слов *хорохóрье* и *хархуры* производящей основой является глагольная.

Также мы отмечаем, что при помощи нулевой аффиксации образовались слова *клеп, накидь, мотивированные* глаголом.

Распространенным оказался комбинированный способ словообразования, то есть при помощи префикса и суффикса: *капелі́ох, пинжа́к, куца́к* и др. Производящим являются глагольные и субстантивные основы.

Одно из важных мест занимает лексико-семантический способ. Данным способом образованы слова: *пальто́, карту́з, носо́к*.

В лексике данной группы также наблюдаются украинизмы, например, диалектизм *капелі́оха* в белгородских говорах имеет значение 'кепка или шапка-ушанка', в украинском языке мы встречаем аналогичную лексему со следующей семантикой: укр. *капелюх* – 'шляпа'. Слово *галóша, карту́з, лі́фчик* имеют европейские корни. Так, *галóша* заимствовано из немецкого языка *Galosche* или вместе с ним из французского языка *galoche*, а лексема *лі́фчик* заимствована из польского *lifk, liwk*; слово *карту́з*, по-видимому, заимствовано из немецкого *kartûse, kardûse*. Также, в тематическом кластере «Наименование одежды без дифференциации на мужскую и женскую» выделяются собственно диалектные слова, не фиксирующиеся в словарях народных говоров: *вдя́галка, жилéток, штанці́* и др.

Выводы по главе II

Таким образом, интегральным признаком, объединяющим данные лексемы в одну тематическую группу, является принадлежность к материальным предметам народной культуры. Дифференциальным признаком, разделившим тематическую группу на две лексико-семантические группы (мужская и женская одежда), можно считать «гендерный»: мужская одежда – женская одежда.

Так, к ЛСГ «Названия мужской одежды и мужских головных уборов» вошли лексемы: *ватя́нка, жупа́н, зипу́н, кафта́н, кужу́х, малаха́й, свѣта, телогрѣйка, тулу́н, чекме́нь, шѣворот.*

В ЛСГ «Названия женской одежды и женских головных» вошли номинанты: *вербо́ты, завѣска, запѣска, запо́на, лёнта, матрѣшка, па́ра, па́рочка, пельчо́к, перли́нка, подша́льник, понѣва, рубѣ́шка, свѣтка, соро́ка, спидни́ца, сподни́ца, твет, фата́, ху́стка, холода́йка, ху́сточка, хусты́на.*

В ЛСГ «Наименования одежды без дифференциации на мужскую и женскую» вошли диалектизмы: *александри́йк, ба́рхатник, вдя́галка, везѣ́нка, гало́ша, га́чник, га́шник, голя́шки, до́ха, дерю́жка, жилѣ́ток, жилѣ́тка, казано́к, кало́ша, капелю́х, капелю́ха, карту́з, кацаве́йка, кужу́х, куфа́йка, кухва́йка, куца́к, куца́на, ли́фчик, носо́к, пальто́, пинжа́к, подде́вка, распѣ́шник, у́зел, хорохо́рье, шмо́тки, штанца́.*

В ходе исследования мы пришли к выводу, что при образовании новых слов-наименований одежды в говорах отражаются те же тенденции, что и в литературном языке: самыми продуктивными являются аффиксальные способы образования. Из неморфологических способов в литературном языке наиболее продуктивен лексико-семантический. В говорах проявляется общезыковая тенденция: лексико-семантический способ словообразования является одним из наиболее распространенных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы отмечаем, что региональной специфики в белгородских говорах выявляются как диалектные варианты общенародных слов, так и собственно диалектная лексика, отсутствующая в общенародном языке, а зачастую – и в «Словаре русских народных говоров»: *ватя́нка* – ‘ватная верхняя одежда’ (Ровеньской район), образование от слова вата очевидно; *одлы́* – ‘вид мужской одежды’ (Вейделевский район); *пíттячко* – ‘нижнее женское белье’ (Ровеньской район); *твѣт* ‘головной убор невесты’ (Шебекинский район), ср. цвет, то есть этот убор представлял собой подобие венка, сплетенного из цветов. Как видим, в ряду анализируемых слов немало фонетических диалектизмов, в том числе возникших под влиянием говоров украинского языка: *пыди́альник*, ср. подшальник; *пидштáныкы*, ср. подштанники, и т.п.

В составе указанных групп присутствуют и собственно украинизмы: *жупа́н*, *капелю́х*, и т.д., что является следствием пограничного положения белгородских говоров. Кроме того, как известно, Белгородская земля пополнялась в XVI-XVII веке украинскими переселенцами из восточной Черниговщины, Полтавщины и слобожан Правобережья Украины, что и оказало влияние на языковую ситуацию региона. Также в говорах Белогорья наблюдаются явления, носившие ранее регулярный характер, а ныне ставшие фактом лексикализации: *твет*.

В целом в белгородских говорах тематическая группа «Наименования предметов одежды» представляет собой систему разнообразных по фонетическим, морфологическим, лексическим, словообразовательным связям слов. В состав представленной группы вошло, по нашим данным, 68 лексем.

Анализ тематической группы «Наименования предметов одежды» пополняет сведения о лексике белгородских говоров, отражая связь

белгородских говоров с другими диалектными и языковыми системами в контексте развития языка и культуры народа.

Так, проведя статистический анализ, мы выявили, что белгородские говоры, связанные с наименованием одежды и головных уборов состоят из украинизмов на 10,8%, европеизмов 9,3%, общенародной лексики 42,7% и собственно диалектной лексики 37,2%.

Работа еще раз подтвердила вывод исследователей данной лексико-семантической группы о том, что наименования одежды играют большую роль в языковой картине мира, отражающей бытовую жизнь народа, и вследствие этого они являются необходимым предметом научного изучения с различных сторон, в том числе и не в последнюю очередь с точки зрения лингвокультурологии. Произведенное в работе описание наименований предметов одежды, функционирующих в белгородских говорах, как важного фрагмента ЯКМ показало значимость этого лексического множества в формировании русской языковой картины мира и на современном этапе ее существования, а также позволило увидеть некоторые черты национальной культуры (межнациональные контакты и др.).

Важной характеристикой современной русской языковой картины мира является значительный корпус наименований предметов одежды иноязычного происхождения или созданных с использованием иноязычных элементов. И это диктует возможность и перспективу дальнейшего разностороннего изучения региональных наименований одежды, в том числе и историко-лингвистического описания номинаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии [Текст] / Р.И. Аванесов // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. – Москва, 1956. – 462 с.
2. Адлер Б. Возникновение одежды: Очерк [Текст] / Б. Адлер. – СПб, 1903. – 84 с.
3. Анохина Л.И. Лексика питания; названия печеных кушаний из муки в орловских говорах (структурно-семантический аспект) [Текст] : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л.И. Анохина. – Орел, 1998. – 24 с.
4. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О.С. Ахманова. – Москва, 1957. – 295 с.
5. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период [Текст] / Л.И. Баранникова // К проблеме соотношения языка и диалекта. – Саратов, 1967. – 106 с.
6. Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров) [Текст] / Т.В. Бахвалова – Орел, 1993. – 130 с.
7. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. [Текст] / Т.А. Бернштам. – Л., 1988. – 246 с.
8. Биржакова Е.Э. Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования [Текст] / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова Л.Л. Кутина. – Л., 1972. – 294 с.
9. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию [Текст] / О.И. Блинова. – Томск, 1975. – 262 с.
10. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика [Текст] / О.И. Блинова. – Томск, 1984. – 133 с.
11. Бромлей С.В. Очерки морфологии русских говоров [Текст] / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова. – Москва, 1972. – 448 с.

12. Бурко Н.В. Орографическая лексика в орловских говорах [Текст] : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н.В. Бурко. – Орел, 1998. – 21 с.
13. Буровик В.И. Родословная вещей [Текст] / В.И. Буровик. – Москва, 1998. – 223 с.
14. Васильева Э.В. Типы лексико-семантических структур диалектного субстантива: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Э.В. Васильева. – Томск, 1979. – 18 с.
15. Власова Л.А. Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.А. Власова. – Орел, 2002. – 269 с.
16. Воробьев В.В. Лингвокультурология: учебное пособие [Текст] / В.В. Воробьев. – Москва: Издательство РУДН, 2006. – 280 с.
17. Гаврилова Т.И. Терминология похоронно-номинального обряда в этнолингвистическом освещении (на материале Курского региона) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.И. Гаврилова. – Белгород, 1997. – 17 с.
18. Гак В.Г. Об относительности лексикографических категорий в лексикографии [Текст] / В.Г. Гак // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. Москва, 1978. – 364 с.
19. Гордеева В.И. Русская народная одежда [Текст] / В.И. Гордеева. – Москва, 1998. – 163 с.
20. Григорьев В.П. Поэтика слова [Текст] / В.П. Григорьев. – Москва, 1979. – 343 с.
21. Гринкова Н.П. Одежда западной части Калужской губернии [Текст] / Н.П. Гринкова. – Л., 1927, – 186 с.
22. Гришанова В.Н. Названия одного женского украшения в говорах Орловской области [Текст] / В.Н. Гришанова // Лексический атлас русских народных говоров: Мат. исслед. – СПб., 1998. – С.181-186.
23. Громов Г.Г. Одежда [Текст] / Г.Г. Громов // Очерки русской культуры XV в. Ч. 1. – Москва, 1987. – 187 с.

24. Грузберг Л.А. Слова древнерусского языка в лексике пермских говоров [Текст] / Л.А. Грузберг // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1986. – С.49-60.
25. Евтихеева Л.Ю. Крестьянский быт южнорусской деревни [Текст] / Л.Ю. Евтихеева. – Москва, 1997. – 340 с.
26. Жуковская З.В. Слова-названия одежды, обуви, головных уборов, рукавиц, украшений в Псковских говорах [Текст] / З.В. Жуковская // Лексический атлас русских народных говоров: Мат. и исслед. – СПб., 1998. – С.88-92.
27. Забелин И.Е. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания [Текст] / И.Е. Забелин. – Москва, 1990. – 520 с.
28. Захарова К.Ф. Диалектное членение русского языка [Текст] / К.Ф. Захарова. – Москва, 1970. – 166 с.
29. Калашникова Ю.Т. Лексика одежды в карельских говорах [Текст] / Ю.Т. Калашникова. – Петрозаводск, 1992. – 84 с.
30. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. – Москва, 1976 – 355 с.
31. Кирсанова Т.В. Костюм в русской художественной культуре [Текст] / Т.В. Кирсанова. – Москва, 1995. – 452 с.
32. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы) [Текст] / Т.С. Коготкова. – Москва, 1979. – 335 с.
33. Козырев В.А. Лексика современных русских народных говоров [Текст] / В.А. Козырев. – Л., 1986. – 125 с.
34. Колесов В.В. Русская диалектология [Текст] / В.В. Колесов. – Москва, 1990. – 207 с.
35. Костомаров В.Г. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа [Текст] / В.Г. Костомаров. – Москва, 1993. – С.87-110.
36. Костромичева М.В. Лексика свадебного обряда (на материале орловских говоров) [Текст] : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М.В. Костромичева. – Орел, 1997. – 23 с.

37. Кошарная С.А. Вариативность и синонимия в региолекте белгородчины (на материале ландшафтной лексики) источник [Текст] / С.А. Кошарная // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Ч. 3. – Тамбов: Грамота, 2016. – №4 (58). – С. 109-113.

38. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С.А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – 2017. – №14(263), вып.34. – С.14-25.

39. Красильщик Е.А. Названия домашних животных с точки зрения их физического и физиологического состояния (на материале говоров Костромской и Ярославской областей) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Красильщик. – Орел, 2000. – 20 с.

40. Куфтин Т.П. Названия предметов домашнего быта (на материале говоров Ивановской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.П. Куфтин. – М., 1994. – 16 с.

41. Ларина Л.И. Региональная лексика обрядовой одежды невесты [Текст] / Л.И. Ларина // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии. – Орел, 1994. – С.72-73.

42. Лукина Т.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка [Текст] / Т.Н. Лукина. – М., 1990. –166 с.

43. Лукьянова Н.А. Лексика современных говоров как объект изучения [Текст] / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск, 1983. – 116 с.

44. Львова С.И. Использование региональной лексики при обучении морфемике и словообразованию [Текст] / С.И. Львова, С.Н. Ляпина // Русская словесность. – 1999. – № 2. – С. 30-34.

45. Малахов А.С. Русская диалектология: теория и практика: учебное пособие [Текст] / А.С. Малахов. – Владимир, 2013. – 111 с.

46. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX начала XX вв. [Текст] / Г.С. Маслова. – Москва, 1984. – 163 с.

47. Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов [Текст] / М.Н. Мерцалова. – Москва, 1993. – 437 с.
48. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь : 3700 слов / С.А. Кошарная, А.С. Алейник, А.И. Медведева; под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2017. – 332 с.
49. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров [Текст] / И.А. Оссовецкий. – Москва, 1982. – 198 с.
50. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. [Текст] / М.В. Панов. – Москва, 1990. – 276 с.
51. Парман Ф.М. Русский народный костюм [Текст] / Ф.М. Парман. – Москва, 1994. – 472 с.
52. Петрова З.А. Народная одежда в Тверском крае: Этнолингвистическое описание [Текст] / З.А. Петрова // Лексический атлас русских народных говоров: Мат. и исслед. – СПб., 1998. – С. 58-61.
53. Пономарев П.Д. Народный костюм Воронежской губернии [Текст] / П.Д. Пономарев. – Воронеж, 1994. – 129 с.
54. Рабинович М.Г. Древнерусская одежда IX XIII вв. и одежда русских XIII – XVII вв. [Текст] / М.Г. Рабинович // Древняя одежда народов Восточной Европы. – Москва, 1986. – 211 с.
55. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание [Текст] / В.И. Даль. – Москва: Эксмо, 2012. – 896 с.
56. Трубинский В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем [Текст] / В.И. Трубинский. – СПб., 2004. С. 54-61.
57. Шангина И.И. Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX XX вв. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 10.02.01 / И.И. Шангина. – Л., 1985. – 18 с.
58. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д.Н. Шмелев. – Москва: Просвещение, 1964. – 244 с.

59. Шубина В.Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села городище Старооскольского района Белгородской области [Текст] : автореф. дис. канд. ист. наук : 10.02.01 / В.Г. Шубина. – Елец, 2004. – 21 с.

60. Энциклопедия Белгородской области [Электронный ресурс]: сайт. – [Белгород], 2015. Режим доступа:

http://belogorie.info/istoriya_belgorodskoy_oblasti. (дата обращения: 29.12.2016).

61. Яременко О.Е. использование местного языкового материала на уроках русского языка в начальной школе [Текст] /О.Е. Яременко // Филологическое образование № 3. – Белгород, 2004. – С. 157-160.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Конспект урока в 5-9 классах по теме «Диалектизмы»

Тип урока – урок освоения нового материала.

Учебно-методический комплекс – Русский язык 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. Авторы-составители: М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос, В.В. Львов; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – 14-е издание, стереотипное. Москва «Дрофа». 2016 г.

База проведения урока – «Муниципальное общеобразовательное учреждение Разуменская общеобразовательная школа № 3 Белгородской области Белгородского района.

Учитель: Медведева Алена Игоревна

Актуальность выбранной темы при составлении конспекта на тему «Диалектизмы» обусловлена тем, что с января 2018 года во всех общеобразовательных школах введены новые предметы «Родной язык» и «Родная литература». И такая тема как «Роль диалектизмов в системе языка» непосредственно может быть использована на всех предметах гуманитарного цикла. А наблюдение за родной речью как в художественной литературе, так и в живом, реальном социуме способствует понимаю значимой эстетической функции слова.

Цель урока – познакомить учащихся с такими терминами как «диалект», «диалектизм», «говор», «наречие»; помочь обучающимся определить сферу употребления данных слов; научиться распознавать диалектизмы в различных текстах; способствовать тому, чтобы словарный запас учащихся с каждым уроком развития речи пополнялся; сформировать навык работы со словарями различного типа, а также с научно-популярной литературой; научиться выполнять лингвистический анализ текста; уметь находить необходимую информацию в разных источниках, в первую очередь, в учебнике.

Задачи:

1) обучающие задачи – выявление учащимися особенностей диалектной речи; формирование навыков при работе со словарными статьями в Толковом словаре Владимира Ивановича Даля;

2) развивающие задачи – развитие знаний, умений и навыков при работе с текстом, а также формирование навыков в поиске диалектных слов в художественной литературе; умение определять роль той или иной диалектной единицы в тексте;

3) воспитательные задачи – способствовать тому, чтобы у учащихся появлялся интерес к родному языку и родной литературе; воспитывать бережное отношение к речи; прививать уважительное отношение к нормам русского языка; поддерживать дружескую и уважительную атмосферу во время урока;

Оборудование: учебно-методический комплекс – Русский язык 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. Авторы-составители: М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос, В.В. Львов; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – 14-е издание, стереотипное. Москва «Дрофа». 2016 г. Владимир Иванович Даль Толковый словарь живого великорусского языка. Информационно-технические средства в виде презентации; доска, раздаточный материал, тексты, таблицы, рабочие тетради.

План урока

- I. Организационный момент (2 минуты)
- II. Проверка домашнего задания (5 минут)
- III. Актуализация ранее изученного (10 минут)
- IV. Постановка целей и задач урока (3 минуты)
- V. Изучение нового материала (15 минут)
- VI. Физкультминутка (3 минуты)
- VII. Закрепление изученного материала (7 минут)
- VIII. Самостоятельная работа (10 минут)
- IX. Подведение итогов. Рефлексия. (3 минуты)
- X. Домашнее задание (1 минута)

Ход урока

I. Организационный момент

На данном этапе урока необходимо способствовать рабочему настрою обучающихся. Здесь происходит постепенное включение в образовательную деятельность всех учащихся класса. Задается тон урока. Учитель обязательно произносит приветственное слово, отмечает присутствующих, выясняет какие-либо вопросы. Желательно для постановки рабочего настроения предложить классу какую-либо лингвистическую задачу, такой прим невольно заставит учеников переключиться в образовательное русло. Все действия учителя на данном этапе урока должны быть предельно быстрыми, чтобы не превысить пяти минут.

Лингвистическая разминка.

Учитель: Объясните, какая связь между «перлами красноречия (или остроумия)» и бисером, который не следует метать перед свиньями.

Ответ учащихся: В первом предложенном высказывании идет речь об искусной, изящной речи, а во втором о бесполезности объяснять что-то тому, кто не может этого понять и оценить. Слово перл (чаще употребляется во множественном числе) – от французского *perle* «жемчуг». Слово бисер в церковнославянском языке обозначало то же самое: жемчуг. (Не мечите бисера перед свиньями – выражение из Библии). Делаем вывод, что перл и бисер – одно и то же.

II. Проверка домашнего задания

На данном этапе учитель может в любой удобной форме проверить выполненное домашнее задание учащихся. В зависимости от степени сложности изучаемой темы можно мельком посмотреть наличие упражнения, можно вызывать нескольких или одного ученика к доске для того, чтобы он выполнил то, что было задано на дом.

III. Актуализация ранее изученного

Так как данный урок «Роль диалектизмов в системе русского языка» относится к разделу Лексикология, то в актуализации ранее изученного

необходимо вспомнить о тех понятиях, которые были затронуты в процессе изучения раздела.

Учитель: Давайте вспомним, как называется раздел языка, в котором изучается лексика?

Ответ учащихся: Раздел науки, в котором изучается лексика называется Лексикология.

Учитель: А теперь напомните друг другу, что такое лексика?

Ответ учащихся: Лексика – это словарный состав языка, какого-нибудь его стиля, сферы, а также чьих-нибудь произведений, отдельного произведения.

Учитель: Верно! Можем ли мы с вами назвать термины, которые уже были изучены нами применительно к данному разделу. При названии термина прошу, чтобы вы дали объяснение ему.

Ответ учащихся:

Антонимы – это слова противоположные по значению.

Синонимы – это слова сходные по значению, но разные по написанию.

Омонимы – это слова одинаковые в написании, но разные в значении.

Неологизмы – это новые слова для своего исторического периода.

Заемствованные слова – это слова, пришедшие в русский язык из других языков.

Архаизмы – это слова, которые вышли из употребления в следствии их замены.

Историзмы – это слова, которые обозначают предметы или явления, утратившие своей актуальности в нынешнее время.

Паронимы – это слова, которые схожи в написании и произношении, но различны в значении.

Учитель: Скажите, а какой еще раздел языка примыкает к Лексикологии?

Ответ учащихся: Раздел, который примыкает к Лексикологии – это называется Фразеология.

Учитель: Верно! Напомните, что такое Фразеология, фразеологизмы и приведите примеры.

Ответ учащихся: Фразеология – это наука, которая изучает фразеологический состав языка. Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов. Например, как с гуся вода; как об стену горох; работать спустя рукава; бить баклуши; души не чаять; стоять фертом; играть в бирюльки; водить за нос;

Учитель: Верно! В такой устной форме мы с вами вспомнили все, что изучали применительно к теме «Лексика».

IV. Постановка целей и задач урока

На данном этапе урока в соответствии с Федеральным Государственным стандартом необходимо, чтобы учащиеся самостоятельно пришли к вопросу о том, какая тема урока будет изучаться сегодня, а также самостоятельно определили цель и задачи урока. Чтобы добиться нужного результата учителю необходимо предложить какое-либо задание-подсказку, чтобы исходя из проблемного вопроса, учащиеся могли самостоятельно сформулировать тему урока.

Учитель: Перед вами текст. Пожалуйста, прочитайте его и скажите, вызывало ли у вас затруднение в чем-либо?

С того дня нечасто видели его [Прокофия Мелехова] в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своём курене на отшибе у Дона, бирюком. Гуторили про него по хутору чудное («Тихий дон»).

Лежит Кондрат, как сетную дель, перебирает в памяти прошлое... («Поднятая целина»).

За входной дверью ступеньки поднимались на просторные мосты, высоко осененные крышей. Налево еще ступеньки вели вверх в горницу – отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба, с чердаком и подпольем...

– Теперича я зуб наложила, Игнатъич, знаю, где брать, – говорила она о торфе. – Ну и местечко, любота одна! Тут как зима закрутит, да дуель в окна, так не столько топишь, сколько выдувает. Летось мы торфу натаскали сколища! (А. Солженицын).

Ответы учащихся: Очень много не понятных слов, поэтому понять весь смысл прочитанного мы не смогли.

Учитель: Верно! Вот те непонятные слова называются «диалектизмами». Сможем ли мы теперь определить тему, цель и задачи урока?

Ответы учащихся: Сможем.

Тема нашего урока «Роль диалектизмов в системе русского языка». Цель урока – познакомиться с такими терминами как «диалект», «диалектизм», «говор», «наречие»; научиться определять сферу употребления данных слов; научиться распознавать диалектизмы в различных текстах;

Задачи:

1) обучающие задачи – выявление учащимися особенностей диалектной речи; формирование навыков при работе со словарными статьями в Толковом словаре Владимира Ивановича Даля;

2) развивающие задачи – развитие знаний, умений и навыков при работе с текстом, а также формирование навыков в поиске диалектных слов в художественной литературе; умение определять роль той или иной диалектной единицы в тексте;

3) воспитательные задачи – способствовать тому, чтобы у учащихся появлялся интерес к родному языку и родной литературе; воспитывать бережное отношение к речи; прививать уважительное отношение к нормам русского языка; поддерживать дружескую и уважительную атмосферу во время урока;

V. Изучение нового материала

На данном этапе урока можно предложить учащимся различные формы работы в постижении нового материала. Воспользуемся материалом, который предлагается в учебнике. Деятельность учащихся: прочитать информацию, записать кратко в свои рабочие тетради.

Учитель: Ребята, диалектные слова – это слова, которые употребляются на определенной местности. Диалектное слово именуется диалектизмом. Таким слова вы можете услышать в речи своих бабушек и дедушек. А, может, кто-то и сам использует его в своем лексиконе. Запишите несколько диалектных слов, которые распространены именно в нашей Белгородской области. Например, крохти, тубаретка, склизко, бурак, тикай, дюже, трошки, хата, палисадник.

Учитель: Знакомы ли вам эти слова? Думаю, что вы не раз их слышали, но не знали, что это именно диалектные слова. Но хочу вам напомнить, что диалектизмы относятся к лексике ограниченного употребления. Если вы хотите говорить грамотно, то старайтесь избегать эти слова. Но знать об их существовании вы обязаны.

Учитель: Существуют несколько типов диалектизмов. Записываем. Диалектизмы делятся на:

1) этнографические диалектизмы – это слова, которые обозначают предметы и явления характерные для определенной местности, например, панева, сорока, фуфайка;

2) лексико-семантические диалектизмы – это слова, которые имеют необычное значение;

3) фонетические диалектизмы – слова, которые получили особое фонетическое оформление, например, хвартук, хверма.

4) словообразовательные диалектизмы – это слова, которые получили особое аффиксальное оформление, например, откеда, ихний.

5) морфологические диалектизмы – это слова, формы которых не свойственны литературному языку, например, мягкие окончания глаголов, например, у табе, у мене, идуть.

6) лексические диалектизмы – это слова, которые известны жителям определенной местности, например, бурак.

Учитель: А теперь вернемся к ранее прочитанным отрывкам из художественной литературы. Найдем незнакомые нам слова, воспользуемся словарем В.И. Даля для того, чтобы установить значения этих слов.

Деятельность учащихся: каждый выписывает заинтересовавшее его слово, с помощью Толкового словаря Даля устанавливает значение и разъясняет классу.

Диалектизмы, требующие объяснения:

Курень – дом или жилище казака.

Бирюк – одинокий человек.

Гуторить – говорить, разговаривать.

Подклеть – это нежилой этаж дома.

Теперича – теперь, сейчас.

Летось – в прошлом году.

Сколища – много.

Любота – красота.

Учитель: А теперь вам необходимо составить с каждым словом предложение.

VII. Закрепление изученного материала

На данном этапе учителю необходимо предложить задания и упражнения в различной форме для того, чтобы учащиеся смогли закрепить только что изученное. Мы предложим работу с текстами.

Учитель: Ребята, перед вам предложения, в которых используются слова-диалектизмы. Ваша задача найти их, выписать, определить их значение.

1. Посмотрите-ка, какую гуску нам ждть сегодня на обед.
2. «Тикай!» – сказала мне бабушка, и я посеменял куда было мочи.
3. Летось мы с отцом грушину посадили, а она вон, как вымахала!
4. Ветер так грюкал ночью, что вся семья не могла спать спокойно.
5. Ох и больно отец-то кострыкой отхлестал нам тогда за все проделки, который мы совершили с Васькой.
6. «Кося, косенька», – говорила Аленка, осторожно приближаясь к еще не знакомому ей существу.
7. Сколько тогда кохвет нам привезла тетка.
8. Вечером на луг так быстро и незаметно опустилась ночь, приведя с собой холод и приятную дрожь, что Вера накинула на себя тоненькую кохточку.
9. Я так любил проводить время в палисаднике, что всегда забывал о том, что меня ищет отец.
10. Так мне хотелось попырять эти саженьцы, но из-за того, что все считали меня маленьким, эту работу мне не доверяли.
11. Целые обыдёнки мы прождали в поисках косога.
12. Собрав все огирки с чужого огорода, мы радостные пошли на ставок.
13. Я долго наглядывал за Васькой, думал, что он съест все коветы.

14. Коты мы только на праздники обували, каждый ходил и хвастался ими.

15. У моего отца была самая дорогая кирея, никогда он не разрешал трогать ее, боялся, что порву.

16. Ленты девушки всегда повязывали сверху косы и нарядные шли на гулянья.

17. Когда мы с отцом шли удить рыбу, он заставлял меня надевать телогрейку, хотя погода было теплая, из-за этого мальчишки с меня всегда смеялись.

18. Без хвартука бабушка никогда не приступала готовить нам обед, говорила, что именно с этой значимой для нее вещью и начинаются приготовления к трапезе.

19. Так смешно было, когда маленькие девчушки повязывали на себя матрешки и шли на сенокос. Такие маленькие, но уже взрослые работницы.

20. Сороку надевали невесте, и это означало, что ее нынешнее положение меняется, все знали, что перед ними уже замужняя девушка.

Действия учащихся: Выписывают слова-диалектизмы, устанавливают их значения по словарю

VIII. Самостоятельная работа

На данном этапе учащиеся должны выполнить той или иное задание, отвечающее пройденному материалу без участия учителя. Самостоятельная работа может быть индивидуальной или коллективной. С помощью самостоятельной работы в образовательном процессе происходит борьба за прочные и глубокие знания по нужному материалу.

Учитель: Ребята, теперь вам нужно вслух прочитать стихотворение Сергея Александровича Есенина «В хате», ответить на вопросы и выписать слова-диалектизмы.

С.А. Есенин

В хате

Пахнет рыхлыми драченами;

У порога в дежке квас,

Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою –
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

Учитель: Скажите, какие ассоциации у вас возникают, прочитав это стихотворение?

Учитель: Можем ли мы с вами определить тему данного произведения?

Учитель: Скажите, какие выводы мы можем сделать о личности самого автора?

Учитель: А теперь, пожалуйста, самостоятельно выпишите слова-диалектизмы и установите их значение. И самое интересное: попробуйте прямо в стихотворении заменить диалектные формы на литературные.

IX. Подведение итогов. Рефлексия.

На данном этапе необходимо проанализировать деятельность учащихся, выяснить, что было не усвоено, не понято. Еще раз повторить то, что было предложено на уроке. Учитель самостоятельно может выбрать форму рефлексии. Чаще всего применяется стандартный шаблон, который помогает учителю понять, насколько плодотворным был урок.

Учитель: Ребята, перед вами лежат карточки. Ваша задача вписать в них свои впечатления об уроке.

На сегодняшнем уроке я узнал...

До сегодняшнего дня я не знал...

Самым сложным было...

На следующем уроке я...

X. Домашнее задание

Учитель: Дома, пожалуйста, напишите сочинение-рассуждение на тему «Роль диалектизмов в системе родного языка».